

Д.Ф. Мырзина

АКТИВНАЯ И ПАССИВНАЯ КОНСТРУКЦИИ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Томский государственный педагогический университет

Принято считать, что в уральских языках (за исключением обско-угорских языков: хантыйского и мансийского) отсутствует грамматическая категория залога [1, 2]. Подобная специфичность хантыйского и мансийского языков объясняется длительной изоляцией угорской подгруппы финно-угорских языков от родственных языков.

В современном хантыйском языке выделяют два типа синтаксической конструкции: так называемые активные и пассивные конструкции. Основанием для их выделения является различное грамматическое оформление агенса (производителя действия), а также употребление морфем -aj, -ij (в западнохантыйских диалектах), -uj (в восточнохантыйских диалектах) в одном из типов синтаксической конструкции, который получил название пассивной конструкции.

Примеры, связанные с формами -aj, -ij, -uj, интерпретировались в большинстве работ по хантыйскому языку как пассивные [3–5, 2 и др.].

Однако при анализе многочисленных примеров пассивных конструкций возникают определенные сомнения в пассивном характере структуры с показателями -aj, -ij, -uj. Так, одной из особенностей хантыйского языка является то, что «пассив» употребляется как с переходными глаголами, так и с непереходными глаголами [5]. Кроме того, в ряде случаев личное окончание глагола в «пассивной форме» служит для обозначения «заинтересованного лица», т.е. того, кто должен воспользоваться результатом действия, выраженного глаголом, что также является специфичной чертой хантыйского «пассива».

Другой особенностью хантыйского языка является то, что агенс, выраженный именем существительным, в пассивном предложении имеет показатель локатива, что является свидетельством того, что субъект действия воспринимается говорящим как определенный, т.е. в данном случае реализуется категория определенности/неопределенности, характерная для финно-угорских языков. Категория определенности/неопределенности (применительно к урало-алтайским языкам) была разработана Дж. Г. Киекбаевым, который полагал, что «категория определенности/неопределенности в упомянутых языках чрезвычайно развита и представляет собой весьма сложную картину». Кроме того, он считал, что «эта категория пронизывает всю грамматическую систему урало-алтайских языков и выражается в разнообразной форме. Она отражается

как в сфере имени, так и в сфере глагола или в сфере имени и глагола одновременно» [6, с. 77].

В литературе по хантыйскому языку отмечается, что в хантыйском языке существует противопоставление субъектного и объектного типов спряжения глагола, которое обусловлено противопоставлением определенности/неопределенности объекта действия, если объект мыслится в 3-м лице [7, 3–5, 8].

Мы полагаем, что для хантыйского языка также характерно противопоставление определенности/неопределенности субъекта действия, которое находит отражение в «пассивной» конструкции.

Рассмотрим первый тип синтаксической конструкции – активную конструкцию. При анализе структуры предложения в данном типе конструкции необходимо обратить внимание на семантический характер актантов, для чего воспользуемся терминами теории глубинных падежей; а именно: Ag (агенса) – для обозначения актанта при глаголе действия; S (субъект состояния) – для обозначения актанта при глаголе состояния; Pt (пациенс, или объект) и Ben (бенефициант).

В первом типе синтаксической конструкции позицию подлежащего занимает агенс, а пациенс занимает позицию прямого объекта. Агенса (активный производитель действия) может быть выражен номинативом имен существительных либо номинативом личных местоимений.

1. Яхам савар велас (у.-п.). Муж Poss. 1Sg заяц Nom убивать, добывать-Past: 3Sg. Мой муж заяц убил (добыл).

В данном примере агенс совпадает с грамматическим подлежащим, а глагол-сказуемое согласуется с ним в лице и числе; а именно: глагол употребляется в форме 3-го л. ед. числа, т.к. подлежащее выражено именем существительным в форме 3-го л. ед. числа. Подобное согласование мы наблюдаем и в следующих примерах:

2. Асем велпаcl (у.-п.) [9, с. 7]. Отец -Poss. 1Sg охотиться-Pres: 3Sg. Мой отец охотится. (Субъектное спряжение).

3. Länki juça қantəs (вах.) [10, с. 146]. Белка Nom дерево-Lat взбираться, залезать-Past: 3Sg. Белка на дерево забралась (залезла).

4. Wäsəχ lisa pitixən (вах.) [10, с. 362]. Утка Nom петля-Lat nonadamь-Past: 3Sg. Утка в петлю попала.

В следующем примере подлежащее, выраженное личным местоимением 1-го л. ед. ч. «ма», согласуется с глаголом, который принимает форму 1-го л. ед. ч. субъектного спряжения.

5. Ма ра қата мәнләм вәлтахә (тр.-юг.) [10, с. 343]. Я другой, чужой дом-Lat итми-Pres: 1Sg жить. Я в другой дом пойду жить. (Субъектное спряжение).

В (6) личное местоимение 3-го л. ед. ч. «лув» согласуется с глаголом, имеющим показатель 3-го л. ед. ч. субъектного спряжения.

6. Лув ёгал / лув юкал (у.-п. / у.-с.). Он(а) танцевать-Pres: 3Sg. Он(а) танцует.

В данных примерах также реализуется категория определенности/неопределенности: здесь она обусловлена противопоставлением основного и лично-притяжательного склонения. Так, в (1, 2) существительные, обозначающие термины родства, употребляются в лично-притяжательной форме, что сообщает данным существительным значение определенности и конкретности. Напротив, в (3, 4), где агенс имеет показатель номинатива, производитель действия воспринимается говорящим как неопределенный.

Субъект действия при глаголе состояния в активном типе конструкции может быть выражен номинативом имен существительных либо номинативом личных местоимений.

7. Мә рухәлнә вәлләм (вах.) [10, с. 381]. Я юрты-Лос жить-Pres: 1Sg. Я живу в юртах. (Субъектное спряжение).

8. Эвием нумсаңа йис. (у.-п.). Дочка-Poss: 1Sg умный становится-Past: 1Sg. Моя дочка умной стала.

В активной конструкции пациенс, определяемый как пассивный участник ситуации, который претерпевает изменения в результате внешнего воздействия, может быть выражен номинативом имен существительных либо аккузативом личных местоимений.

При этом если пациенс – существительное в форме номинатива не является определенным для говорящего, то это находит отражение в глаголе-сказуемом, который получает форму субъектного спряжения.

9. Эным қыләс вәрәкәтәс (вах.) [10, с. 44]. Отец-Poss: 1Sg шалаш Nom начинать делать-Past: 3Sg. Мой отец шалаш принялся делать.

Существительное «қыләс» – шалаш играет роль прямого дополнения. Категория определенности/неопределенности реализуется в данном предложении следующим образом: пациенс является неопределенным для говорящих, следовательно, глагол-сказуемое имеет форму субъектного спряжения.

10. Юх мәнә юх әрәхтәс (вах.) [10, с. 50]. Он я-Dat лошадь-Nom обещать-Past: 3Sg. Он мне лошадь обещал. (Субъектное спряжение).

11. Яхам хоп тул (у.-п.). Муж-Poss: 1Sg лодка Nom носить, нести-Pres: 3Sg. Мой муж лодку несет. (Субъектное спряжение).

12. Пут каварлам (у.-п.). Пицца Nom готовить-Pres: 1Sg. Пищу готовлю. (Субъектное спряжение).

В (12) пациенс выражен номинативом имени существительного, а глагольная форма отражает 1-е л. ед. ч. агенса.

В следующих примерах пациенс, выраженный именем существительным в номинативе, находит отражение в глагольной форме: глагол-сказуемое согласуется с подлежащим в лице и числе, а с прямым дополнением – в числе.

13. әлвали суртәл ликрә пәнәсәтә (вах.) [3, с. 47]. Алвали шука – Poss: 3Sg нарты –Lat положить –Past: Ag: 3Sg/ Pt: Sg. Алвали положил свою шуку в нарты.

14. Ма tam evi vәхп masem. Я этот, тот девочка Nom деньги-Лос давать –Past: Ag: 1Sg/Pt: Sg. (казымск.) [4, с. 47]. Я дал этой девочке деньги.

15. Ма tam jernasъ jontsъlam (казымск.) [4, с. 57]. Я этот, тот рубаха-P l шить –Past: Ag: 1Sg/ Pt: Sg. Я эти рубахи сшил(а).

Определенность пациенса в данных примерах выражена при помощи глагольной формы. В (13) глагол-сказуемое имеет показатель 3-го л. ед. ч. агенса и ед. ч. пациенса. В (14) глагол выражает 1-е л. ед. ч. агенса и единственное число пациенса. В (15) глагольная форма содержит указание на 1-е л. ед. ч. агенса и множественное число пациенса.

Для рассматриваемой группы примеров активной конструкции характерно следующее расположение словоизменительных суффиксов в глагольной форме: корневая морфема + показатель времени + личный аффикс, маркирующий лицо и число агенса (в субъектном спряжении), или + личный аффикс, маркирующий лицо и число агенса и число пациенса (в объектном спряжении).

Обратимся ко второму типу синтаксической конструкции – «пассивной» конструкции. Многие исследователи хантыйского языка описывают данную конструкцию как пассивную, полагая, что морфемы -aj, -ij, -uj (где -j – эпентический знак, являющийся перед личным аффиксом глагола) являются показателем страдательного залога [5].

Рассмотрим два случая использования «пассивной» конструкции в хантыйском языке.

Проанализируем следующие примеры «пассивной» конструкции:

16. Савар яхамна велса (у.-п.). Заяц *Not муж* – *Poss. 1Sg -Loc добывать* – *Past: «Pass»: 3Sg.* Досл.: Заяц мужем моим добыт (убит). Мой муж зайца убил.

В данном примере агенс, выраженный именем существительным в пассивной форме, стоит в форме локатива (локатив имеет показатель -нэ). Пациенс выражен именем существительным в форме номинатива. Глагол-сказуемое имеет показатель 3 л. ед. ч. прошедшего времени.

17. Саварпан яхамна велсайпан (у.-п.). Заяц *Dual муж* – *Poss: 1Sg добывать* – *Past: «Pass»: 3 Dual.* Досл.: Два зайца мужем моим добыты (два). Мой муж двух зайцев добыл (убил).

В (17) агенс, выраженный именем существительным в посессивной форме, стоит в форме локатива. Пациенс выражен именем существительным в двойственном числе в номинативе. Глагол-сказуемое согласуется с пациенсом в числе, т.е. имеет форму 3-го л. двойственного числа.

18. Саврат яхамна велсайт (у.-п.). Заяц *Pl муж* – *Poss: 1Sg -Loc добывать* – *Past: «Pass»: 3Pl.* Досл.: Зайцы (много) мужем моим добыты (убиты). Мой муж зайцев добыл (убил).

Агенс, выраженный лично-притяжательной формой существительного, употребляется в форме локатива; пациенс выражен формой существительного во множественном числе в номинативе. Глагол-сказуемое согласуется с пациенсом в числе.

Подобное согласование глагола с пациенсом наблюдается и в следующих примерах:

19. Хул йигамна катса (у.-п.). Рыба *Not сын* – *Poss.: 1Sg ловить* – *Past: «Pass»: 3Sg.* Досл.: Рыба моим сыном поймана. Мой сын рыбу поймал.

20. Хотэв русятна омакса (у.-с.). Дом-*Poss.: 1Pl русский -Pl* – *Loc ставить, сажать* – *Past: «Pass»: 3Sg.* Досл.: Дом наш русскими построен. Наш дом русские построили.

В данных примерах пациенс выражен именем существительным в форме номинатива, глагол-сказуемое согласуется с ним в числе (как и в объектном спряжении при наличии определенного объекта). Принято считать, что лицо деятеля здесь не указано, так как сказуемое стоит в 3-м л., а 3-е л. глагола не имеет формального показателя лица. Оно выражено посредством нулевой морфемы.

Как видно из примеров, словоизменительные аффиксы в глагольной форме в данном типе конструкции располагаются следующим образом: корневая морфема + показатель времени + суффикс «пассива» + личный аффикс, маркирующий число пациенса.

Интерес вызывает оформление в хантыйском языке агенса локативным падежом (местным, местно-

творительным в различной терминологии). А.Н. Баландин полагал, что локатив используется для выражения активного деятеля [11]. Н.А. Лыскова, вслед за Дж. Г. Киекбаевым, склонна рассматривать форму на -нэ как форму, которая «совмещает понятие активно-го падежа и одушевленности» [12, с. 64; 6].

Мы полагаем, что подобное оформление активного производителя действия связано с категорией определенности/неопределенности. Оформляя имя существительное, локатив выделяет его из числа других предметов, подчеркивая его определенный характер, указывает на то, от кого исходит действие, либо кому оно принадлежит. Так (19) *Хул йигамна катса* (у.-п.) можно перевести как «Именно мой сын рыбу поймал».

Подобное употребление локатива может быть связано с происхождением показателя местного падежа. П. Равила предполагал, например, что локатив на -нэ первоначально употреблялся в сфере указательных местоимений [13, с. 250]. Данную точку зрения разделяет также Б. Коллиндер [14, с. 239].

Рассмотрим еще несколько примеров «пассивной» конструкции:

21. қунэ хэлтоқэ ләјэм моқнат јоҳымны. Мужчи-на – *Loc орудие, из которого производят действие обух топора-Instr бить, колотить* – *Past: «Pass»: 3Sg.* Досл.: Мужчиной обухом топора ударен (а). Мужчиной обухом топора его (ее) ударил (вах.) [10, с. 50].

Агенс выражен локативом имени существительного. В грамматической структуре предложения агенс не совпадает с грамматическим подлежащим, пациенс отсутствует, но отражен в глагольной словоформе. Форма «ы» указывает на 3-е л. ед. ч. пациенса.

В следующих двух примерах агенс выражен личным местоимением «ма» в форме творительного падежа – мәннэ. Следует отметить, что употребление личного местоимения в творительном падеже для обозначения активного производителя действия в подобном роде конструкции происходит крайне редко.

22. Мәннэ пэчкәннэ ухэлтоқэ јоҳухәси (вах.) [10, с. 50]. Я – *Instr. ружье Instr-Comit. орудие, из которого производят действие стрелять, кидать* – *Past: «Pass»: 3Sg.* Досл.: Мной ружьем выстрелил в него (нее). Я в него (нее) из ружья выстрелил.

Агенс выражен формой творительного падежа личного местоимения «ма», имеющего показатель -па; пациенс отсутствует в предложении, но отражен в глагольной форме, которая имеет показатель 3-го л. ед. ч.

23. Сэвсэ икија мәннэ мэхәсүјән (вах.) [10, с. 50]. Савсы старик – *Lat я* – *Instr давать* – *Past: «Pass»: 2Sg.* Досл.: Старик Савсы мной отдана ты. Я тебя выдал за старика Сывсы.

Агнс выражен личным местоимением «ма» – я в творительном падеже; пациенс отражен в глагольной форме: форма -эн указывает на 2-е л. ед. ч. пациенса.

Рассмотрим второй случай использования «пассивной» конструкции в хантыйском языке, где особый интерес вызывают следующие примеры:

24. Яхна хулна катсаюв (у.-п.). Муж-Лос рыба-Лос ловить, доставать –Past: «Pass»: 1 Pl. Досл.: Мужем рыбой поймал нам (для нас). Муж рыбу для нас поймал.

Агнс в данном примере выражен именем существительным в локативе; пациенс также имеет показатель локатива. При этом агнс и пациенс могут меняться местами в отличие от первого типа «пассивной конструкции», где пациенс имеет показатель номинатива и занимает позицию в начале предложения.

В отличие от примеров «пассивной конструкции», где идет согласование в числе между пациенсом и глаголом, в данном примере глагол не согласуется в числе с пациенсом, а выражает лицо и число того, кому предназначено данное действие, указывает, в пользу кого совершается действие, т.е. выражает лицо и число бенефицианта.

25. Хапна тусайт (у.-п.). Лодка Нот носить, нести –Past: «Pass»: 3 Pl. Досл.: Лодкой принес им (для них). Лодку принес для них.

В данном предложении пациенс выражен формой локатива, агнс отсутствует в предложении. Глагольная форма обозначает лицо, которое должно воспользоваться конечным результатом ситуации.

26. Хулна йигамна катсайм (у.-п.). Рыба –Лос сын –Poss.: 1Sg –Лос добывать, убивать – Past: «Pass»: 1Sg. Досл.: Рыбой сыном моим поймал мне (для меня). Мой сын для меня рыбу поймал.

Агнс выражен лично-посессивной формой существительного в форме локатива, а глагол-сказуемое указывает направление действия на 1-е л. ед. ч. «я» – меня, мне.

27. Яхамна саварцанна велсайм (у.-п.). Муж – Poss:1Sg -Лос заяц -Dual -Лос добывать, убивать – Past: «Pass»: 1Sg. Досл.: Мужем моим зайцами (двумя) добыл (убил) мне (для меня). Мой муж двух зайцев добыл (убил) для меня.

Как видно из примеров, словоизменительные аффиксы в глагольной форме в данном типе «пассивной» конструкции располагаются следующим образом: корневая морфема + показатель времени +

суффикс «пассива» + личный аффикс, указывающий на лицо и число бенефицианта.

Кроме того, представляется возможным составить полную парадигму глагола, пользуясь показателем «пассива» -ај, -ай для всех лиц и чисел, где форма глагола отражала бы лицо и число бенефицианта, т.е. того участника ситуации, который должен воспользоваться конечным результатом.

Парадигма глагола «туда» – носить, нести в «пассивной форме»:

Няньня тусайм	хлеб принес (ли) для меня.
Няньня тусайн	хлеб принес (ли) для тебя.
Няньня туса	хлеб принес (ли) для него, нее.
Няньня тусайн	хлеб принес (ли) для нас
(двух).	
Няньня тусайтан	хлеб принес (ли) для вас
(двух).	
Няньня тусайцан	хлеб принес (ли) для них
(двух).	
Няньня тусайю	хлеб принес (ли) для нас
(многих).	
Няньня тусайт(д)ы	хлеб принес (ли) для вас
(многих).	
Няньня тусайт	хлеб принес (ли) для них
(многих).	

Особенностью данной конструкции является то, что неизвестно, кто совершает действие, т.е. форма соотносится с неопределенностью 3-го лица актанта. Подобное явление наблюдается в некоторых других языках. Так, «в ряде тюркских языков согласование подлежащего и сказуемого отсутствует в безлично-пассивных конструкциях, так как в таких конструкциях неизвестно, кем совершается или совершено действие» [6, с. 90].

В данной парадигме глагола «туда» маркируется лицо не деятеля, не пациенса, а получателя, бенефицианта, т.е. хантыйский язык демонстрирует определенное сходство с родственным ему ненецким языком, в котором выделяют лично-предназначительное склонение местоимений и существительных [15]. Формы этого склонения включают в себе указание на предназначение обозначенного именем предмета тому или иному лицу.

Нечто подобное происходит и в хантыйском языке, где в ряде случаев «пассивная» форма указывает на того, кому предназначено совершаемое действие, т.е. форма «пассива» демонстрирует свой непассивный характер. В связи с этим данное спряжение, скорее, можно рассматривать как лично-предназначительное, чем пассивное спряжение.

Тем самым примеры «пассивной» конструкции в хантыйском языке служат подтверждением особого статуса пассива в уральских языках.

Литература

1. Финно-угорские языки. Языки мира // Уральские языки. М., 1993.
2. Kulonen U.-M. The passive in Ob-Ugrian. Suomalais – Ugrilaisen Seuran Toimituksia. 206. Helsinki, 1989.
3. Терешкин Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1. Ваховский диалект. М., Л., 1961.
4. Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten, Band 9, Beiträge zur Sprach-Wissenschaft und Ethnographie. Akademia Kiado. Budapest, 1980.
5. Николаева И.А. Обдорский диалект хантыйского языка // Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, Heft 15. М.; Гамбург, 1995.
6. Киекбаев Дж. Г. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972.
7. Животиков П.К. Очерк грамматики хантыйского языка (средне-обский диалект). Под ред. Ю.Н. Русской. Ханты-Мансийск, 1942.
8. Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). М., 1976.
9. Ядобчева В.Я. Склонение и спряжение в обдорском диалекте хантыйского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.
10. Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов / АН СССР, Ин-т языкознания. Л., 1981.
11. Баландин А.Н. Падежи субъекта и объекта на службе номинативной и эргативной конструкций глагольного предложения в ваховском диалекте хантыйского языка. Учен. записки Ленингр. университета. 1947. Т. 105. Сер. востоковед. наук. Вып. 2. Советское финно-угроведение.
12. Лыскова Н.А. Семантика падежа в обско-угорских языках. СПб., 2003.
13. Collinder B. Comparative Grammar of the Uralic languages. 1965.
14. Основы финно-угорского языкознания (Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974.
15. Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь (с приложением краткого грамматического очерка ненецкого языка). М., Л., 1965.

Принятые сокращения

вах. – ваховский диалект, тр.-юг. – тром-юганский говор сургутского диалекта, казымск. – казымский диалект, у.-п. – усть-полуйский говор обдорского диалекта, у.-с. – усть-собский говор обдорского диалекта.

Е.А. Крюкова

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КЛАССА СЛОВ-ОПРЕДЕЛИТЕЛЕЙ В ЕНИСЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Томский государственный педагогический университет

Класс слов-определителей в енисейских языках выделяется на основании общих функциональных и морфологических признаков. основополагающим принципом объединения слов-определителей (далее также – СО) в один класс в кетском, югском и коттском языках является функция атрибута в широком понимании, характеризующая как сам процесс, так и участников ситуации. Следовательно, функциональная характеристика отличает СО, с одной стороны, от имен, основной функцией для которых является функция актанта, и глагола, с другой стороны, ведущей функцией которого является функция предиката. В атрибутивной функции СО в енисейских языках характеризуются морфологической неизменяемостью, которая является яркой отличительной чертой СО в атрибутивной функции. Ряд слов-определителей способен, наряду с атрибутивной функцией, выполнять функцию предиката, которая в отличие от ведущей (атрибутив-

ной) функции маркируется специальными суффиксами, указывающими класс/род, лицо и число определяемого слова. В зависимости от выполняемой функции позиция слов-определителей строго фиксирована: в атрибутивной конструкции СО выступают в препозиции к определяемому слову, а в предикативной конструкции слова-определители стоят после слова, которое они определяют (подробно о принципах выделения класса СО см. [1]).

В данной статье описание класса СО в кетском, югском и коттском языках проводится с использованием концепции функционально-семантического поля, которая помогает преодолеть трудности описания этого большого смешанного класса, объединяющего в себе как приименные, так и приглагольные определители, и позволяет системно представить как семантические группы, так и разноуровневые языковые средства (морфологические, синтаксические, словообразовательные).